

ИСТОРИК
МАРКСИСТ

3

272
Веб-публикация: Vive Liberta,
<http://istmat.info/vive-liberta>, 2013

1939

СОДЕРЖАНИЕ

Ярославский Ем.— Классики марксизма о Французской буржуазной революции XVIII века	3
СТАТЬИ	
Волгин В., академик — Политический радикализм накануне Французской революции	13
Ромэн Роллан — Неизбежность революции 1789 года	37
Козлов Ф.— К вопросу о якобинской диктатуре	46
Зильберфарб И.— Фашистские фальсификаторы истории Французской революции	72
Авербух Р.— Политика европейских держав в 1787—1791 годах.	93
Старосельская О.— К истории науки в эпоху Французской буржуазной революции 1789—1794 годов (Развитие физико-математических и естественных наук)	109
ДОКУМЕНТЫ	
Неизданные документы времен якобинской диктатуры	136
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	
Критические статьи и обзоры	
Уdalцов А.— К публикации первой тетради «Хронологических выписок» К. Маркса (Архив Маркса и Энгельса. Т. V. 1938г.).	142
РЕДЕНЦИИ	
История СССР	
Шекун О.— Ленин в Петербурге. Места пребывания и революционной деятельности В. И. Ленина в Петербурге-Петрограде 1890—1920 гг.	147
История нового времени	
Утевский М.— Ольшевский А. Марат. Зубок Л.— Paine Thomas. Selections from his Writings. Radcig H.— Vallée. Au service de la Cie des Indes. Lettres inédites d'une famille du Poitou au XVIII s. Дитякин В.— Лурье А. Гарибальди. Жур.-газ. объединение. 1938. Лурье А. Гарибальди. Воен.-издат. 1939. Милицина Г.— Deslandres M. Histoire constitutionnelle de la France. L'avènement de la Troisième République. La Constitution de 1875. Radcig H.— Caloni. La France au Maroc. Ган Л.— Ромэн Роллан. Театр революции. «Робеспьер»	149
Библиографические заметки	167

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

<i>Радиг H.</i> — Французская Индия в эпоху революции 1789 года	173
<i>Шангин М.</i> — Византийский писатель Арефа — автор «Слова о мире с болгарами 927 года»	177

ЛЕТОПИСЬ

Триумфальное шествие Советской власти. 7 ноября (25 октября) — 31 декабря 1917 года	178
Буржуазная революция во Франции (Календарь событий 1789 г.)	200

ХРОНИКА

Историческая наука в СССР

Сессия Отделения истории и философии Академии наук СССР 26—27 марта 1939 г. — «Историческая наука в свете «Краткого курса истории ВКП(б)» (дискуссия по докладу чл.-кор. АН Шестакова 25 февраля 1939 г.). — Сессия Отделения истории и философии Академии наук СССР 26—27 мая 1939 г. — Семитомное издание истории СССР. — К 150-летию Французской буржуазной революции XVIII века. — В секретариате редакции «История гражданской войны». — В Московском институте истории философии и литературы (ИФЛИ) (Подготовка к 150-летию Французской революции). — Научная конференция Саратовского университета 20—25 февраля 1939 г. — В Институте истории Академии наук СССР. (Захиста диссертаций.)	210
---	-----

Историческая наука за рубежом

Франция. Доклад тов. М. Тореза о Роэспльере. — США, Бельгия, Англия, Венгрия	220
--	-----

Иогансон Исаакович Зильберфарб

ФАШИСТСКИЕ ФАЛЬСИФИКАТОРЫ ИСТОРИИ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Идеологический поход фашистских мракобесов против Великой французской буржуазной революции XVIII в. непосредственно связан с ожесточенной борьбой фашизма против демократии и прогресса.

Фашистский поход против Французской революции совершается в двух тактических направлениях: первое направление — клеветническое очернение революции с целью дискредитации ее идейного наследия; второе направление — извращение исторического лица революции, приспособление ее в интересах демагогической пропаганды фашизма. Клеветническая тактика фашистских фальсификаторов истории в их борьбе против Французской революции и ее идейного наследия весьма проста и груба. Что же касается тактики «освоения» величайшей из буржуазных революций, то этот прием более утонченный, и поэтому он более опасен и требует от нас большего внимания.

Как известно, фашизм в своем контрреволюционном наступлении против народных масс прибегает не только к террору как методу разгрома и уничтожения революционного авангарда этих масс: фашизм для обмана масс в «борьбе за душу народа» широко использует всевозможные формы демагогии, стремясь привлечь массы на свою сторону; под флагом «борьбы за интересы народа» фашизм стремится использовать массы против действительных интересов народа. При этом фашистская демагогия нередко прибегает к самым наглым приемам. В интересах своей демагогической пропаганды фашисты пытаются использовать также и специально фальсифицированную ими историю. «Фашисты погрязают всю историю каждого народа для того, чтобы представить себя наследниками и продолжателями всего возвышенного и героического в его прошлом»¹. Как мы увидим дальше, попытки «освоения» Французской революции в целях демагогии занимают в фашистских фальсификациях ее истории не меньшее место, чем прямые атаки против идеологии этой революции и ее выдающихся вождей.

Фашистские идеологи в своих реакционных нападках против Французской революции в некоторой степени использовали старые контрреволюционные писания де Местра, Бональда и присных с их грубым охаиванием революции и истерическими воплями о «сатанинском» характере ее. Но гораздо более серьезную услугу фашистам оказали Тэн² и Ренан³, которые пытались бороться против исторического наследия

¹ Димитров Г. «Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма», стр. 64. М. 1935.

² Taine Hippolyte «Les origines de la France contemporaine». Paris. 1876—1893.

³ Renan Ernest «Questions contemporaines» «Méditations philosophiques». Paris. 1868.

Французской революции, против основных, ведущих идей ее — идей разума, прогресса, демократии. Лозунг «Назад к Тэну!», провозглашенный в свое время представителями реакции во Франции, подхватили германские фашисты¹, а Ренана, также использованного французскими реакционерами, «сам» Муссолини назвал «префашистским светилом»².

Поход реакции против идей Французской революции с первых лет текущего столетия возглавил Шарль Моррас, один из основателей и руководителей черносотенной организации «L'Action française» («Французское действие»). В своих статьях³ он злобно нападает на демократические идеи Французской революции, называя их «противоестественными» и «разрушительными». Как шовинист и антисемит, он утверждает, что эти идеи не французского, а еврейского происхождения, что Франции и французам они принесли только вред. Прибегая к «антракапиталистической» демагогии, он обвиняет Французскую революцию в том, что она привела страну к «диктатуре золота». В то же время он считает величайшим «преступлением» революции 1789 г. то, что она разрушила принцип «классовой иерархии» и «корпоративного разделения» и провозгласила демократический принцип всеобщего равенства. Моррас пытается отрицать народный характер буржуазной революции 1789 г. и в то же время всячески поносит совершивший революцию народ и его демократических руководителей. Видя, что революционные традиции не только поныне живут во французском народе, но получают дальнейшее развитие с ростом пролетарского движения, он призывает к объединению и концентрации всех сил контрреволюции для борьбы против «духа революции». Характерно, что при этом он, предвосхищая приемы фашистов, намекает на возможность использования в интересах контрреволюции некоторых форм и методов революции, если освободить их от революционного содержания и заполнить своим, контрреволюционным.

Писания Морраса сделались общей политической программой всей префашистской, а позднее — фашистующей и открыто фашистской историографии во Франции. Первым, кто применил установки политической программы Морраса в конкретной историографической работе, был погибший на фронте мировой войны Огюстэн Кошэн⁴. Этот реакционный историк выступил с резкими нападками на Олара и его буржуазно-либеральную историческую школу. Все усилия Кошена были направлены к тому, чтобы подорвать представление о Французской революции как с массовым, мощным народном движении, вызывавшемся глубокими историческими причинами. Кошэн пытается представить Французскую революцию конца XVIII в. как «искусственный процесс», как дело кучки оторванных от жизни интеллигентов, бездельных зачинщиков-«вольнодумцев», сеявших «крамолу» и организовавших «революционный механизм», который сделал невозможным выдвижение действительно больших людей, который только подавлял французский народ и своими разрушительными действиями причинил Франции непоправимый вред. Наоборот, контрреволюционное восстание в Вандее Кошэн считает «истиннонародным» движением. Эта насквозь лживая, ультрапрекционная концепция Французской революции была в свое время восторженно встре-

¹ Beyerhaus Gisbert «Die konservative Staatsidee in Frankreich und ihr Einfluss auf die Geschichtswissenschaft» в «Historische Zeitschrift» 1937 Bd. 156 H. I, S. 1—23; Schalk Fritz «Das antiromantische Denken im modernen Frankreich». Ibidem, S. 24—39

² «Encyclopédia Italiana». Т. XIV, p. 649

³ Статьи Морраса печатались в реакционно-католической «Gazette de France», а после основания «L'Action française» печатаются в последней. По статьям Морраса его приверженцами составлены «Dictionnaire politique et critique» (Paris 1931—1933) и ряд сборников, которые использованы нами в настоящей работе

⁴ Cochon Augustin «Le Societe de pensee et la Democratie» Paris 1921, его же «La Revolution et la Libre-pensee» Paris 1924, De Meaux Antoine «Augustin Cochon et la genese de la Revolution» Paris 1928

чена реакцией во Франции, а недавно получила полное признание и со стороны германских фашистов¹. Сочинения Кошена используются фашистами как прямое орудие в борьбе против современного революционного движения, против демократии вообще и в особенности против советской демократии. Пользуясь «методологией» Кошена, Пьер Гаксотт, ныне ярый фашист гитлеровского толка, тесно связанный с Германией, написал клеветническую книгу о Французской революции, многократно издававшуюся французскими реакционерами². Взгляды Кошена оказали заметное влияние также на других современных французских контрреволюционных историков, из которых наиболее заметным является Луи Мадлен³.

Более или менее самостоятельную позицию во французской реакционной историографии занимал недавно умерший видный реакционный публицист Жак Бенвиль⁴, занимавшийся почти исключительно внешнеполитической историей. Бенвиль отрицаet значение Французской революции как водораздела двух эпох мировой истории. Далее, развивая клевету о «провокационно-милитаристской» политике Французской революции, Бенвиль выдвигает смехотворное положение, будто идеи Руссо, вдохновлявшие французских революционеров XVIII в., были источником... германского национализма, да и вообще Французская революция принесла пользу только Германии, Франции же — один лишь вред.

Характерной для новейших тенденций фашистующих историков во Франции является недавно опубликованная работа Джона Шарпантье о деятельности плебейских элементов революционного Парижа в 1792—1794 годах⁵. История стихийного возникновения парижских секций как революционных массовых организаций и их участие в революции преподносятся в работе Шарпантье в извращенном виде. Шарпантье старается напугать французского обывателя «страшными» картинами «уравнительной» социальной революции, восстановить его против пролетариата, против СССР, против демократии и прогресса вообще и обратить его на путь реакции и фашизма.

Таким образом, французские реакционеры-националисты старой, дофашистской формации в фальсификации истории Французской революции идут по пути, проторенному еще контрреволюционерами прошлого: они пытаются дискредитировать идеи революции, ее действия и ее деятелей. Реакционеры новой формации, фашисты, считают этот путь устарелым и не ведущим к цели. Зная силу влияния революционной традиции в массах французского народа и понимая безуспешность выступлений под флагом роялизма, они оказались от попыток разрушить «революционную легенду». Гибкие и ловкие мастера демагогии, господа Делароки, Дорио и присные прикидываются самыми верными друзьями «прекрасной Марианны». Они стремятся использовать богатое наследие революции и приспособить его к своим нуждам. Отсюда новые, поразительные по своей бессовестности опыты фальсификации истории Французской революции, идущие по линии второй из двух отмеченных нами тактик, применяемых в фашистском походе против Великой буржуазной революции.

Наиболее ярким представителем этого новейшего, чисто фашистского отряда французской реакции является покинувший в 1925 г. ряды «L'Action française» Жорж Валуа, бывший офицер-фронтовик, организа-

¹ Beyerhaus. Op. cit., S. 8.

² Caxotte Pierre «La Révolution française». Paris. 1937.

³ Madelin Louis «La contre-révolution sous la Révolution». 7-e éd. Paris. 1920; Madelin Louis «La contre-révolution sous la Révolution». Paris. 1935; Madelin Louis «Le crépuscule de la monarchie». Paris. 1936.

⁴ Bainville Jacques «Histoire de deux peuples. La France et l'Empire allemand». Paris. 1915; Bainville J. «Histoire de France». Paris. 1924.

⁵ Charpentier John «Jacques Roux, ancêtre des communistes». «La Revue Universelle» № 14, 15 octobre 1937. T. LXXI, p. 173—192.

тор и руководитель первой во Франции фашистской группировки «Le Faïsceau». В своем журнале «Le Nouveau Siècle» и в ряде книжек¹ Жорж Валуа объявляет своих прежних единомышленников «людьми Кобленца», а самого себя провозглашает «наследником Французской революции».

Жорж Валуа понимает нелепость старых, реакционных представлений о Французской революции как об искусственном творении «кушки зачинщиков и подстрекателей». Чтобы привлечь на свою сторону читателя, он говорит об исторической необходимости революции² и как будто отказывается от каких-либо нападок на нее. В одном месте он выступает даже против известного контрреволюционного утверждения, будто французские революционеры сознательно спровоцировали войну. «Чепуху говорят,— заявляет он,— когда рассказывают, что Французская революция начала войну, чтобы спастись от внутренних затруднений. Революция пошла на войну, чтобы не быть удушенной старой Европой, которая хотела помешать росту нового мира»³. Таким образом, Валуа прикидывается сторонником революции. Но это делается для того, чтобы в дальнейшем извратить социальное лицо Французской революции и ее историческое значение в интересах пропаганды той разновидности фашизма, представителем которой он, Жорж Валуа, является.

Валуа использует вывеску «наследника Французской революции» для пропаганды антидемократической политической платформы, прикрывающейся знаменем «надклассовости»; с этой целью он пытается отрицать буржуазный и демократический характер революции⁴. Отвергнув выдвигаемое некоторыми реакционными историками положение о невыгодности революции XVIII в. для буржуазии, а также и общепризнанный в науке противоположный тезис о том, что именно эта революция утвердила политическое господство буржуазии, Валуа заявляет, что «Французская революция не имеет ничего специфически буржуазного»⁵, и выдвигает тезис о том, что вообще революция является выражением «наших анархических склонностей»⁶, какого-то лежащего в человеческом естестве бунтарства. Этот тезис необходим Валуа для того, чтобы, с одной стороны, подчеркнуть «неклассовый» характер проповедываемой им фашистской «национальной революции», которая якобы должна «продолжить и завершить» революцию, начатую полтораста лет тому назад. В то же время, раз революция есть проявление бунтарских, разрушительных свойств человека, отсюда легко извлечь требование обуздания этих тенденций революции силой нового, фашистского государства, как только эти разрушительные свойства революции выполняют свое назначение. Разумеется, Валуа далек от того, чтобы прямо раскрыть свои карты, но анализ его дальнейших писаний показывает, что приведенная «историческая» характеристика Французской революции была им сочинена для «извлечения» из нее именно этих фашистских выводов.

«Был ли взрыв буржуазным?» — ставит Валуа вопрос о революции 1789 года. И тут же отвечает: «Это был просто взрыв. Вся совокупность связей нации была разбита. Дворянство, буржуазия теряют свои права, свои вольности, свое имущество; народ теряет свой хлеб насущный; вновь возникает варварство. Тогда-то происходит то, что бывает всегда при подобных обстоятельствах: революция совершена была во имя правового духа, но при всеобщем отсутствии безопасности на первое место

¹ Valois Georges «La Révolution nationale». Paris. 1926; его же «Le fascisme». Paris. 1927; его же «Un nouvel âge de l'humanité». Paris. 1929.

² Valois G. «Un nouvel âge de l'humanité», p. 90—91.

³ Ibidem, p. 96.

⁴ Valois G. «La Révolution nationale», p. 100.

⁵ Ibidem.

⁶ Ibidem, p. 101.

снова выступает дух героический и воинственный»¹. Валуа, который, как и все фашисты, особенно преклоняется перед духом солдатчины и все фашистское движение рассматривает именно как «высшее выражение солдатского духа нации», доходит в предпринятом им фашистском «освоении» истории до того, что не только Консулат и Империю, но и весь предшествующий период, период революционных правительств и Директории, рассматривает как сплошной процесс «укрощения» солдатским «героическим духом» слишком разбушевавшегося «природного бунтарства» французского народа. С исключительной связностью этот новоявленный солдатско-фашистский «историк» заявляет: «Никто не осмелился сказать, что это буржуазный дух господствует с 1789 до 1815 года. На протяжении четверти столетия Францию ведет дух героический»². Правда, буквально на этой же странице Жоржу Валуа приходится все-таки признать, что «эта героическая авантюра бросает следующий век в объятия буржуазии», которая использует результаты революции в своих эгоистических интересах³. Выходит, что «героический дух» 1789—1815 гг. и есть не иное, как буржуазный дух, который Валуа только что отрицал. Попав в такое трудное положение, пытаясь связать концы с концами, фашистский писака с солдатской решительностью находит «выход» при помощи нового «откровения»: в момент торжества буржуазии, когда «буржуазный дух стал государственным духом», произошло неожиданно новое потрясающее событие: начался быстрый декаданс буржуазии, и «буржуазный дух совершил самоубийство, пожелав стать властелином»⁴. В конце концов, так и остается неясным, кто же, по Валуа, господствует после революции во Франции, поскольку «героический дух» в 1815 г. уступил свое место «буржуазному духу», а «буржуазный дух», потрясенный зреющим быстрого декаданса буржуазии, взял и покончил сам с собой.

Господин Валуа считает себя единственным, кто понял происхождение, ход и историческое значение Французской революции. Он считает, что участники революции и даже ее руководители вообще не ведали, что творят, а из всех людей нашего времени никто, кроме него, проповедника фашистского «нового века», неспособен надлежащим образом понять французскую историю последних полутораста лет. Поэтому пусть все вслушаются и вдумаются в сотворенную им, Жоржем Валуа, философию новой истории Франции.

Валуа начинает с общих «историко-философских» замечаний о «структурных революциях». В известный момент, рассуждает он на страницах своей книги «Новый век человечества», такая революция вспыхивает с неистовой силой, вызывая исключительное бурление человеческих страстей, и это длится до тех пор, пока не явятся люди, способные овладеть этими страстями и направить по определенному руслу течение событий. Поэтому дальнейший ход истории целиком зависит от того, насколько безошибочны действия этих людей. Это «взятие командования» над силами революции Валуа образно сравнивает с «актом инженера, который нашел способ каптировать воду потока». «Так,— делает вывод Валуа,— и с революционными силами. Наступает момент, когда они могут быть каптированы, задержаны плотинами, направлены»⁵. Валуа состряпал свою платформу, не стремясь быть оригинальным; он использовал самые реакционные идеи конца прошлого и нынешнего века. Все это «идеологическое» варево он называет учением о «техническом государстве», которое должно прийти на смену «отжившему парламентарному государству». Это фашистское «техническое государство» демагогически

¹ Valois G. «La Révolution nationale», p. 102.

² Ibidem.

³ Ibidem, p. 102—103.

⁴ Ibidem, p. 104—109.

⁵ Valois G. «Un nouvel âge de l'humanité», p. 98—99.

объявляется надклассовым, будто бы отводящим большую роль пролетариату, в противоположность классовому буржуазному государству, каковым является государство парламентарное, демократическое. Обращаясь к Наполеону и восхваляя его как «инженера-укротителя» сил революции, Жорж Валуа усматривает в его деятельности одну крупную ошибку, которая была роковой. «Он,— говорит Валуа о Наполеоне,— не сумел создать техническое государство», и вот «целый век был потрясаем ужасными противоречиями вследствие этой наполеоновской ошибки...»¹. Если бы Наполеон мог своевременно воспользоваться советом г-на Валуа и не замедлил бы создать «техническое государство» по фашистскому плану, то, разумеется, вся дальнейшая история Франции, да и всей Европы и, вероятно, даже всего мира пошла бы совсем по-иному!

Впрочем, спешит г-н Валуа утешить человечество (в первую очередь, понятно, французов), хотя и потеряно более ста лет, но если современные французы послушаются его, Валуа, совета и последуют за ним как за своим «вождем», дело еще поправимо. Для этого нужно только совершить во Франции фашистскую «национальную революцию», которая «завершит» революцию 1789—1794 гг. путем создания фашистского «технического государства». «Революция,— провозглашает Валуа,— не завершена. Мы находимся во второй эпохе Французской революции. Действия 1789 г. взорвали политическую структуру старого режима. Ниже атаке подвергается структура экономическая и социальная»². У фашистского «интерпретатора» истории все получается шиворот-навыворот: мощный революционный процесс, сломавший феодальные производственные отношения и утвердивший на их место более прогрессивный для своей эпохи строй капиталистический, признается только «изменением политической структуры», а фашистский государственный переворот, видоизменяющий лишь форму господства крупного капитала, но сохраняющий в неприкосновенности паразитарный для нашей эпохи строй капиталистического хозяйствования, величается «экономической и социальной революцией»!

Посмотрим, куда дальше ведут историко-политические «исследования» Жоржа Валуа.

Г-н Валуа твердит о своей верности революции 1789 г. и рожденной ею республике. Он хочет только «продолжить» эту революцию, чтобы «доделать» кое-что, «упущенное» ею, несколько «усовершенствовать» республику. «Революция 1789 г.,— с видом ее восторженного апологета объявляет автор «Нового века человечества»,— это первый великий исторический акт, направленный к освобождению технического духа»³.

В своей книжке «Фашизм» Жорж Валуа заверяет французского читателя, что считать фашизм крайне правым движением, реакцией против идей 1789 г., одной из форм контрреволюции—это «огромная ошибка»⁴. С исключительной наглостью, не моргнув глазом, г-н Валуа заявляет: «Что касается движения 1789 г., было бы огромной ошибкой думать, что фашизм идет против него, поступает в противоположном ему духе и хочет его вытеснить. Фашизм находится именно в линии движения 1789 года, он связывается с ним, он его продолжает, он идет дальше его, давая ему завершение, которого народы ищут целое столетие, завершение, которое придает окончательную форму исторической эпохе, открывшейся в 1789 году»⁵.

Революция 1789 г., по словам Валуа, произошла потому, что историческое движение требовало нового государства и новой «элиты», которые «способны были возглавить намечавшееся великое экономическое

¹ Valois G. «Un nouvel âge de l'humanité», p. 99

² Ibidem, p. 101.

³ Ibidem, p. 121.

⁴ Valois G. «Le fascisme», p. 36—37.

⁵ Ibidem, p. 36.

преобразование»; старое государство (монархия) и старая «элита» (дворянство) были к этой роли непригодны, поэтому и были устраниены, и Франция всгала на путь исканий¹. Поставив таким образом революцию 1789 г. под знак этатистско-аристократического принципа фашизма, Валуа с исключительной легкостью пытается привлечь к ней гнусный фашизм; он заявляет, что искания нового государства и новой аристократии, начатые в 1789 г., продолжаются до наших дней и успешно завершить их призвана именно фашистская «национальная революция», которая «разрешит», наконец, поставленную полтора столетия назад задачу.

В противоположность угловатым реакционерам из «L'Action française» Жорж Валуа заявляет, что «14 июля 1789 года остается великой символической датой падения феодального государства»². Но, продолжает он, «движение 1789 года не нашло еще своего завершения, своего заключения, формы, которую оно должно дать государству»³. Помешали «идеологи, ораторы и юристы», из-за которых «Франция получила сначала буржуазное государство, прикрытое имперской, королевской или республиканской вывеской, государство парламентарное»⁴. Далее, Валуа выкидывает обычное для фашистов социально-демагогическое коленце, сокрушаясь, что «вследствие такой большой неудачи движения 1789 г. две основополагающих стихии страны, вышедшие из 1789 года,— национализм и социализм — резко противопоставлены друг другу вплоть до того, чтобы полностью отрицать один другой»⁵. Это, по «объяснению» Валуа, является не последствием капиталистического строя, окончательно утвердившегося во Франции после революции XVIII в., а опять-таки результатом действий зловредных «юристов, идеологов и ораторов, которые захватили руководство движением и вели его до сих пор в тупик, в тупик парламентаризма»⁶. Вот, оказывается, где собака зарыта: во всем повинны не капитализм и буржуазия, а парламентаризм, т. е. демократия и интеллигенция! Вот против чего направлены все «исторические» ухищрения господина Валуа!

Теперь фашистскому лжеисторику остается сделать очень немного, чтобы свой хитроумный план — запрячь Французскую революцию 1789 г. в колесницу фашизма — довести до конца.

Итак, революция 1789 г. усилиями Жоржа Валуа «освобождена» от идей демократии и парламентаризма. Отмечая «безуспешность» и «незавершенность» этой революции, вожак «Le Faisceau» говорит, что это — «большое поражение не самого движения, а некоторых идей, привитых к движению 1789 года»⁷, демократических идей, которые, как он хочет уверить читателя, органически с французским революционным движением XVIII века совсем не связаны. Фальсификаторские ухищрения г-на Валуа направлены к тому, чтобы превратить Французскую революцию из провозвестницы демократии, какой она была в действительности, в провозвестницу фашизма.

Воображая, что таким путем он уже «освоил» Французскую революцию, г-н Валуа переходит к практическим выводам: он требует разгрома демократии и установления фашистской диктатуры во Франции во имя... завершения Французской революции. «Парламентарное государство и износившаяся, отжившая элита, недоноски 1789 года,— заявляет он,— пытаются противиться созданию современного государства. Именно про-

¹ Valois G. «Le fascisme», p. 36—37.

² Ibidem, p. 37.

³ Ibidem, p. 38.

⁴ Ibidem.

⁵ Ibidem, p. 36—39.

⁶ Ibidem, p. 39.

⁷ Ibidem.

ив них мы продолжаем движение 1789 года под двумя лозунгами: Долой парламент! Да здравствует нация!»¹. Ссылаясь на «чувство 1791 года», которое при этом отождествляется с «чистейшим фашистским духом», г-н Валуа и его единомышленники выступают с ярко выраженной фашистской политической программой «технической революции», осуществляющей путем ликвидации парламентаризма и утверждения фашистской диктатуры под маркой «Комитета общественного спасения»². Жорж Валуа мечтает далее о распространении фашистской диктатуры на всю остальную Европу, причем и тут, разумеется, также ссылается на Французскую революцию, дело которой фашизм призван «продолжить и завершить». «И так же, как движение, вышедшее из Французской революции, за полвека преобразовало всю Европу, так точно фашистская революция преобразует всю Европу отнюдь не путем возрождения к формам, предшествовавшим 1789 году, но путем создания новых форм, через которые под общим руководством смелых капитанов промышленности жизнь рабочего найдет новое достоинство и преуспеяние»³. Если оставить в стороне социально-демагогическую концовку о «достоинстве и преуспеянии рабочего» на фашистской каторге, нельзя не заметить, что французский протагонист фашизма проговаривается здесь относительно классовой сущности пропагандируемого им режима: это диктатура «смелых капитанов промышленности», т. е., в переводе на общепонятный язык, самых жадных хищников крупного капитала.

«Историко»-политические операции Жоржа Валуа над наследием Французской революции показывают, до какой невообразимой наглости могут доходить фашисты в попытках фальсификации и «освоения» великого прошлого своего народа. В то же время это свидетельствует о слабости французского фашизма и о том, что революционные, республиканские и демократические традиции в сознании французского народа так велики, что фашисты не только не смеют открыто выступить против них, но вынуждены даже маскироваться под их защитников и продолжателей.

Идеи Жоржа Валуа нашли мало адептов во Франции. Даже сам автор «Национальной революции», «Фашизма» и «Нового века человечества» под впечатлением явной контрреволюционности внутренней политики фашизма, подрывающей жизненные силы народных масс, и агрессивности внешней политики фашистских государств, угрожающей интересам Франции, разочаровался в фашизме, отошел от политической деятельности и, судя по некоторым сведениям, теперь даже антифашистски настроен. Но идеи, когда они публично высказаны и закреплены в печати, как известно, начинают жить самостоятельной жизнью, часто независимой от жизни их автора. Так случилось и с фашистскими взглядами Жоржа Валуа на Французскую революцию: прекратив свое обращение во Франции, оставленные самим автором, они были, как мы увидим дальше, подхвачены фашистами в Италии, дополнены и развиты ими и превращены в официально признанную итальянским фашизмом интерпретацию Французской революции.

Если французские фашисты вынуждены по тактическим соображениям рядиться в тогу «наследников 1789 года», то фашисты других стран нужды в этом не имеют и могут свободно изливать свою ненависть к революции, провозгласившей полтора столетия тому назад принципы свободы, равенства и братства, принципы демократии.

«Мы, — заявил Муссолини в своей речи 7 апреля 1926 г., — представляем новый принцип в мире, мы представляем полную, категориче-

¹ Valois G. «Le fascisme», p. 39.

² Ibidem, p. 13–14.

³ Ibidem, p. 19.

скую и окончательную антитезу демократии, plutokratii, масонства, одним словом — всего мира бессмертных принципов 1789 года»¹. 14 сентября 1929 г. он отмечает, что «уже поднимаются по ту сторону Альп голоса, отрицающие знаменитый трином 1789 года», и противопоставляет «трином» фашистского режима: «авторитет, порядок, справедливость»².

Позднее в своей большой статье «Фашизм», написанной для «Итальянской энциклопедии», Муссолини подвергает резкой критике «демо-либеральную» идеологию, получившую наиболее яркое выражение во Французской революции, и противопоставляет ей свою «доктрину фашизма»³. Глава итальянского фашизма подчеркивает свое отвращение к «демократии, которая уравнивает народ»⁴, и, опираясь на «Философские размышления» Ренана, которые он цитирует, делает вывод, что «фашизм отвергает в демократии абсурдную условную ложь политического эгалитаризма, привычку коллективной безответственности и миф о счаstии и безграничном прогрессе»⁵, порожденные рационалистической философией XVII—XVIII вв. и возведенные в общепризнанную идеологию Французской революцией. Инициатор и руководитель движения, которое душит свободу народных масс и лишает их элементарных материальных и духовных благ, злобно нападает на «все индивидуалистические, построенные на материалистической основе абстракции типа XVIII века» и на «все якобинские утопии и новшества»⁶. Фашизм, по словам Муссолини, «не верит в возможность «счастья» на земле, как того желала экономическая литература XVIII столетия». Одним словом, Муссолини решительно отвергает все идейное наследие Французской революции потому, что оно выражает стремления народных масс к свободе и счастью.

Враждебные установки «Il Duce» в отношении Французской революции и ее исторического наследия, разумеется, получили самое широкое отражение в итальянской литературе последних десяти — пятнадцати лет.

Помимо специальной исторической литературы оценкой Французской революции занимается политическая литература фашистской Италии в связи с обсуждением различных проблем современности⁷. Причем итальянские фашисты используют сочинения контрреволюционных французских авторов, начиная от Жозефа де Местра и кончая Пьером Гаккоттом⁸. Итальянские фашисты возражают, однако, против того тезиса, что пробуждением и подъемом национального сознания Италия обязана влиянию Французской революции. Вследствие своего надутого нацио-

¹ Mussolini «Discorsi di 1926», p. 120. Цитировано по книге Mussolini «Le fascisme», p. 74. 7-e éd Paris. 1933.

² Mussolini «Discorso alla Grande Assamblea del Partito 15 Settembre dell'anno VII».

³ Benito Mussolini «Fascismo Dottrina» «Encyclopedia Italiana» T XIV, p. 847—851.

⁴ Ibidem, p. 848.

⁵ Ibidem, p. 849.

⁶ Ibidem, p. 847.

⁷ Alicino Michele «Sentimento religioso e posizione storica del fascismo». Milano. 1930; Brando N. «Il fascismo nella storia». Mantova. 1931; Campanile A. «Antieuropa ei diritti dell'uomo». Roma, s. d.; Coccoli G. «Fondamenti storici e ideali del fascismo». Napoli. 1929; Colonna Toselli «Problemi e aspetti della Rivoluzione fascista». Novara. 1927; Lolini Ettore «Dall'economia classista all'economia corporativa». Roma. 1934; Marpicati A. «Fundamenti ideali e storici del fascismo». Bologna. 1931; Michels Roberto «Studi sulla Democrazia e sulla Autorità». Firenze. 1933; Rocco Alfredo «La dottrina del fascismo e il suo posto nella storia del pensiero politico». Roma. 1925; Tilgher A. «Storia e antistoria». Rieti. 1928.

⁸ Benito Mussolini «Fascismo. Dottrina» «Encyclopedia Italiana» T. XIV, p. 847—851, Treves Paole «Joseph de Maistre». «Nuova Rivista storica». 1936. T. I—II, p. 58—81, Gaxotte P. «La Rivoluzione francese». Milano 1933.

пального чванства фашисты отстаивают свою «самобытность» и даже «приоритет» в области выработки «воли к созданию национального государства»¹.

Первая итальянская фашистская концепция истории Французской революции была предложена неким «историком», выступившим в 1928 г. под псевдонимом «генерал Филарети»². Кроме общих выпадов против революции, заимствованных из высказываний Муссолини и контрреволюционных французских писателей, мы находим у Филарети несколько «оригинальных» положений, столь же абсурдных, сколь и ложных. Основное положение этого фашистского автора заключается в том, что Французская революция возникла не под влиянием экономических и социальных факторов, а под влиянием идей, созданных «образованными классами». Впоследствии, когда принципы ее получили признание (поскольку эти принципы были «ложными» и «разрушительными»), она стала делом народных масс, которые превратили революцию в ужасную борьбу корыстных интересов отдельных личностей и групп и привели ее к гибельному концу. Напрасно искать у бравого генерала классовой характеристики политических партий и групп, но зато ругань, которой он осыпает деятелей революции, возглавлявших в революционной борьбе определенные классовые течения, выдает классовое лицо этого фашистского автора; снисходительный к Дантону и его сторонникам, он не скучится на самые гнусные ругательства для плебейских революционеров — эбертистов. Филарети утверждает, что Робеспьер стремился будто бы к диктатуре для того, чтобы превратить Францию в коммунистическую республику, и только случайно этот «дьявольский» план Робеспьера-«большевика» сорвался и сам Робеспьер погиб!

Гнусная вылазка Филарети из-за своей безграмотности не удовлетворила даже итальянских фашистских историков³. Но на протяжении ряда лет никто из них не решался написать историю Французской революции с фашистской точки зрения, ибо дать более или менее научообразную и в то же время вполне приемлемую для фашистского политического руководства фальсификацию истории революции — дело довольно трудное. В период 1928—1935 гг итальянские фашистские историки свое отношение к отдельным периодам, отдельным событиям и к отдельным деятелям Французской революции высказывали в ряде журнальных заметок и рецензий, а также в ряде книг, написанных по отдельным вопросам, относящимся к тематике Французской революции. В этих статьях и книгах можно видеть, что в итальянской фашистской историографии намечаются две тенденции: с одной стороны, признается необходимость учитывать экономические и социальные факторы с целью представить историю Французской революции в более или менее научообразном виде (таковы, например, высказывания Коррадо Барбагалло, главы итальянских фашистских историков⁴); с другой стороны, стремятся создать такую фальсификацию истории, которая была бы пригодна для целей демагогической пропаганды и по существу была бы направлена против демократических принципов 1789 г., а формально «освоила» бы революцию и ее наиболее выдающихся деятелей (такова, например, биография Робеспьера, написанная Марио Мадзукелли, фашистским автором ряда историко-революционных романов⁵). Действуя в обоих направлениях,

¹ Michel Roberto «Les bases historiques de la politique italienne». «Publications de la Conciliation internationale, Centre européen de la Dotation Cai-négia». «Bulletin» № 4, p. 321. Paris. 1934.

² Il generale Filareti «Idealità e interessi nella Rivoluzione francese». «Nuova Rivista Storica». T. V—VI, pp. 486—511. 1928.

³ «Nuova Rivista Storica». 1928. T. V—VI, p. 511.

⁴ Nuova Rivista Storica». T. V—VI, p. 511—512; 1928. T. IV—V, p. 425 1926; T. III—IV, p. 344. 1931.

⁵ Mazzucchelli M. «Robespierre». Milano. 1929.

итальянские фашистские историки Французской революции, с одной стороны, ловко использовали труды выдающегося французского историка Альбера Матьеza, с другой стороны, подхватили и развили фашистско-демагогическую концепцию Французской революции, в общих чертах набросанную в свое время Жоржем Валуа, о котором шла речь выше.

На тринадцатом году «фашистской эры», через шесть лет после того как Мадзуккелли выступил со своим опытом фальсификации биографии Робеспьера, фашистская тенденция к «освоению» Французской революции полностью созрела. В 1935 г. в серии «Собрание фашистских исследований», издаваемой «фашистским факультетом политических наук» университета в Перуджии, вышла внушительная по своему объему книга под заглавием «Классы и государство во Французской революции», принадлежащая перу Джузеппе Маранини¹. Это первая (и пока единственная в Италии) фашистская книга о Французской революции, вышедшая после столь длительной подготовки; она открывается верноподданническим посвящением — «Бенито Муссолини — с верой в настоящее и будущее» — и, несомненно, выражает апробированную высшими идеологическими инстанциями фашистской Италии интерпретацию Французской буржуазной революции 1789—1794 годов.

Работа Маранини несмотря на значительный объем (около 600 страниц) представляет собою далеко не полное изложение истории Французской революции. Автор ставит себе несколько иную задачу. Как показывает самое заглавие книги «Классы и государство во Французской революции», Маранини стремится дать анализ взаимодействия различных классовых групп, участвовавших в революционной борьбе, и показать, какова была роль государства в этой революции. Как мы увидим далее, и выбор темы и характер ее трактовки целиком определяются у Маранини целями пропагандистского характера: он стремится доказать «историческую необходимость» фашистского государства, которое, мол, призвано сделать то, чего не сделала (хотя, по мнению фашистского историка, очевидно, должна была сделать) Французская революция.

Маранини начинает с заявления, что «Французская революция оставила современной истории единственное по своему значению наследие»². Однако известные до сих пор интерпретации Французской революции, как либеральные, так и социалистические (о реакционных Маранини почему-то совсем не упоминает), его не удовлетворяют, так как они «являются односторонними и несовершенными, ибо исходят, сознательно или несознательно, из классовых предрассудков и, следовательно, заслоняют общее значение этого великого события для человечества и истории»³.

Общая концепция Маранини представляется в следующем виде. Французская революция с самого начала ослабила государство. Это произошло не потому только, что первый период революции был периодом борьбы против старого государства, но и потому, что пришедшая к власти буржуазия с ее либеральной идеологией стремилась ограничить права государства как такового и свести их по преимуществу к функциям полицейского и оборонного порядка. Дальнейшее расслоение третьего сословия и выступление на арену политической деятельности пролетарских элементов, настроенных антикапиталистически, с их идеологией государственников, привело к перестройке государственной машины: ее возглавил Комитет общественного спасения, политика кот'яго, однако, не была последовательной, так как Комитет не решался пожертвовать интересами буржуазии. Робеспьер имел в виду превратить

¹ Maranini Giuseppe «Classe e stato nella Rivoluzione francese» Perugia, 1935.

² Ibidem, p. 9.

³ Ibidem, p. 11.

государство в верховного арбитра, стоящего над буржуазией и над пролетариатом, а в качестве опоры этого государства хотел создать особый класс, обязанный государству самим происхождением и существованием своим (в этом усматривает Маранини смысл вантоэзских законов). Но Робеспьеру не удалось осуществить свой план: будучи связан «демократическими предрассудками», он не решился твердо и до конца диктовать свою «единую волю», а это и привело к его падению. После 9 термидора Барер и другие руководители правительства хотели продолжать общую линию социальной политики Конвента, но это оказалось несбыточной иллюзией, так как уничтожена была концентрация революционной диктатуры. Все было потеряно. Террор, служивший прежде силам созидания, стал орудием тирании. Франция попала в лапы людей неспособных и бесчестных. Напряжение, которым страна жила, исчезло, революция была смертельно поражена, последовали годы бесславного распада, созданного чудесной волей и столь дорогой ценой революционного режима. Термидорианский конвент, разрушив революционный режим, оказался неспособным создать какой бы то ни было новый. Франция вступила в полосу парламентаризма, и парламентаризма самого худшего сорта. Конец революции принес, таким образом, полную победу буржуазии. «Буржуазная революция завершила свой цикл и дождалась своего порядка. Наполеоновское государство по необходимости должно было быть буржуазным государством¹. Всякая возможность «интегрального государства», к которому, по словам Маранини, якобы стремился Робеспьер и о котором мечтал Сен-Жюст, исчезла. Буржуазия, утвердившаяся у власти, создала «либералистический режим», чтобы обеспечить свое классовое господство над пролетариатом. Революция, освободив производительные силы, не дала пролетариату ни организаций, ни защиты его прав в государстве. Пролетариат слишком поздно понял, что потеряно им с уничтожением «уравновешивающей системы» государства, регулирующего цены и заработную плату. «Отчаянное возмущение» пролетариата в жерминиале и прериаля III года ничего не дало, кроме устранения последних монтаньяров и усиления репрессий. На этой почве зародилась первая коммунистическая пропаганда Бабефа, после же гибели и этого движения пролетариату не оставалось ничего иного, как рассчитывать только на свои собственные силы и вступить на путь самостоятельной классовой борьбы.

Такова в общих чертах схема истории Французской революции по Маранини. Как видим, она далека от грубого примитивизма Филарети. Маранини недурно владеет методами фашистской демагогии. Он не выступает как открытый противник Французской революции. Сохраняя верность фашистскому тезису Муссолини, отрицающему принципы 1789 г., принципы демократии, Маранини пытается противопоставить принципам 1789 г. якобинскую диктатуру. Последнюю он выдает не больше не меньше как за прообраз «интегрального государства», реализованного ныне фашизмом. Робеспьер под пером этого фашистского фальсификатора превращается из самоотверженного борца за демократию, каким он был на самом деле, в диктатора фашистского типа, которому только некоторые демократические «пережитки» мешают довести до конца дело создания «интегрального государства». Будь Робеспьер более твердым, сумел он совершенно освободиться от «принципов 1789 года», «интегральное государство» утвердилось бы еще в конце XVIII столетия — сначала во Франции, а затем и в остальной Европе — и эра «этатизма», то есть фашизма, наступила бы более чем на столетие раньше, «освободив» мир от необходимости пережить «разрушительную» эпоху демократии. Таковы выводы, на которые толкает читателя фашист-

¹ Матапини Ор сіт р 484.

ский фальсификатор истории. Впрочем, это даже не выводы, а просто предустановленная политическая концепция, под которую подогнаны действительные факты наряду с явной фальсификацией и просто выдумками автора; недаром концепция эта сформулирована уже во введении к книге Маранини. С обычной для фашистских демагогов наглостью фашистский автор выдает режим фашистской диктатуры, режим диктатуры реакционного крупного капитала за «истинное», «абсолютное» государство, якобы «преодолевающее» всякую классовость, как пролетарскую, так и буржуазную. Французскую революцию, заложившую основы демократии, Маранини обьявляет провозвестницей принципиально-антидемократического «интегрального государства», а контрреволюционный фашистский переворот, уничтоживший всякую демократию, — «завершением» начатого Французской революцией дела.

Но это только одна сторона «исторических» махинаций Маранини. С другой стороны, они представляют собою попытку, используя Французскую революцию, выдать фашизм за режим «защиты интересов пролетариата», за режим, «освобождающий» рабочих от необходимости прибегать к классовой борьбе, которая, мол, является не менее «разрушительной» принадлежностью «демо-либерального» строя чем демократия. В заключительных словах своего сочинения Маранини хочет внушить читателю следующую мысль: с падением якобинской диктатуры и установлением парламентарной демократии буржуазия утвердила свое экономическое и политическое господство, на что пролетариат вынужден был ответить самостоятельной классовой борьбой; теперь же, когда возглавленная Муссолини фашистская «революция» уничтожила демократию и создала то самое «интегральное государство», которое якобы пытались создать, но не смогли довести до полной победы якобинцы во главе с Робеспьером, пролетариат должен учесть «опыт истории» в редакции господ Маранини, навсегда отказаться от классовой борьбы и стать верным поборником «интегрального государства», т. е. фашистской диктатуры, которая уже, мол, не даст пролетариату в обиду. «Антиkapitalistическая» и «рабочая» демагогия фашизма в сочетании с его лживой концепцией «надклассового» государства находит здесь свое новое историографическое выражение, устремленное против парламентаризма и демократии.

«Историческая» конструкция господина Маранини не так груба, как творчество генерала Филарети, но все же и в ней мало оригинального. По сути, это лишь развернутая и конкретизированная концепция бывшего единомышленника Маранини француза Жоржа Валуа, о котором говорилось выше и который опередил итальянского историка на целое десятилетие. Труд Джузеппе Маранини мог бы иметь успех разве уже у совершенно необремененных историческими знаниями простаков, которые приняли бы на веру все измышления автора книги «Классы и государство во Французской революции». Но, к несчастью для этого автора, читающей публике хорошо известно, что якобинская диктатура была не самоцелью и не отрицанием принципов демократии, а лишь временной крайней мерой, вызванной обстоятельствами решительной борьбы за осуществление действительной демократии; что революционно-демократическая республика 1793—1794 гг. не только не «сняла» классовую борьбу, а сама была продуктом самой острой борьбы классов, когда пролетариат и плебейские массы добивались права на свободу и благосостояние; что революционное демократическое государство 1793—1794 гг. не имеет ничего общего с фашистским «интегральным государством», «отменившим» классовую борьбу пролетариата с целью обеспечить неограниченное господство крупного, монополистического капитала, что, наконец, Робеспьер, Сен-Жюст и другие вожди якобинской диктатуры никогда и в мыслях не имели и иметь не могли ничего

похожего на «интегральное государство» Муссолини, ибо это были честные и решительные демократы, борцы за свободу и счастье своего народа, а не ставленники и исполнители воли худших его эксплуататоров. Стоит только вспомнить эти общеизвестные и неоспоримые факты, как вся сложная постройка, возведенная хитроумным чернорубашечником, безнадежно и позорно рушится.

При разработке своей «исторической концепции» Французской революции итальянские фашисты прибегли к привычному вообще для фашизма приему, широко применявшемуся и применяющемуся в фашистской политике: они использовали популярную в массах революционную форму, выхолостили из нее прежнее революционное содержание и заполнили ее своим, фашистским, контрреволюционным содержанием. Между Италией и Францией до недавнего времени поддерживались сравнительно мирные отношения, порою даже с оттенком взаимного дружелюбия. Историки-фашисты, приверженцы Муссолини, считали возможным объявлять фашистскую «революцию» «продолжением и завершением» Французской революции, а чернорубашечников — чем-то вроде наследников Французской революции, но революции предварительно, конечно, «освобожденной» ловкими фашистскими «препараторами» от всякой демократической «скверны». В периоды приливов «итало-французской дружбы» политические эмиссары «дуче» бывали непрочь особо подчеркнуть свой благожелательный интерес к Французской революции, как это сделал, например, бывший министр корпораций господин Боттаи в докладе «От Французской революции к фашистской революции», читанном 6 декабря 1934 г. в Париже и повторенном пять дней спустя в Страсбурге¹.

Не таково положение германских фашистских историков. Они ни при каких условиях не могут выступать в качестве сторонников Французской революции, хотя бы и трижды выхолощенной от ее демократического содержания, хотя бы тысячу раз извращенной на фашистский лад. Они не могут положительно относиться к революции 1789—1794 гг. не только потому, что это была революция демократическая (как мы видели, фашистские мастера демагогических фальсификаций не смущаются перед такими трудностями), а главным образом потому, что это была революция французская. Приятие Французской революций в каком бы то ни было истолковании означало бы поддержку престижа Франции, между тем как, по Гитлеру, именно Франция является смертельным и непримиримым врагом германского народа.

«Независимо от того, кто правит Францией, Бурбоны ли или якобинцы, сторонники Наполеона или буржуазные демократы, клерикальные республиканцы или красные большевики,— читаем мы в «евангелии» германского фашизма,— Франция есть и остается смертельным врагом», «самым опасным врагом», «наследственным врагом»². Апологет самого гнусного расизма, фашистский «фюрер», чтобы «обосновать» антифранцузские планы германского империализма, объявляет французов «народом бастардов», народом, который «все больше и больше смешивается с неграми» и «своим сообщничеством с евреями подвергает опасности самое существование белой расы в Европе»³. Господин Гитлер доходит до утверждения, что во Франции «наводнение неграми так быстро идет вперед, что действительно можно говорить о возникновении африкан-

¹ «L'Italie et la Révolution française». «Annales historiques de la Révolution française». № 67, p. 94. 1935.

² Hitler Adolf «Mein Kampf», S. 704.

³ Ibidem.

ского государства на европейской почве»¹. Отсюда этот «рыцарь Европы» и «защитник белой расы» делает свой политический вывод: «иудео-негроидная» Франция должна быть уничтожена. «Германия,— заявляет он,— видит в уничтожении Франции лишь средство дать, наконец, нашему народу на другой территории все возможности распространения»².

Адольф Гитлер, многочисленные выпады которого против демократии вообще известны всему миру, о Французской революции говорит только в одном месте. В своей книге, рассматривая роль и значение пропаганды в политической борьбе, он говорит: «Нельзя думать, что Французская революция осуществилась бы когда-либо благодаря философским теориям, если бы она не нашла руководимой демагогами большого стиля армии подстрекателей, которые страсти истерзанного народа разжигали до тех пор, пока не последовало то страшное извержение вулкана, которое заславило всю Европу оцепенеть от ужаса»³. В этих словах выражены все мысли и чувства этого заклятого врага демократии, врага освободительной борьбы народа за свои права: здесь и пренебрежительное отношение к действенности философии XVIII в., связанное с презрительным отношением Гитлера к теории вообще; и представление о Французской революции как об искусственном явлении, как о результате действий «подстрекателей», организованных столь ненавистными вся кому реакционеру-фашисту интеллигентами-«зачинщиками»; и непременное для фашистского демагога «боление» за «терзаемый гидрой революции» народ; и смешанная со страхом ненависть к массовому, народному революционному движению, озлобленность против революции, возвестившей демократические идеи всему миру. Самое же существенное в приведенном месте — это особая ненависть германского империалиста к Французской революции, обусловленная тем, что революция далеко распространила свое идейное влияние и подняла престиж Франции во всех странах Европы, в том числе и в Германии.

Влияние демократического наследия Французской революции в Германии больше всего вызывает «тевтонское бешенство» и у известного нордического богатыря Иозефа Геббельса. В своей речи 8 мая 1933 г., отметив, что «для установления духовного содержания Французской революции достаточно трех паролей: свобода, равенство, братство», что «в этом имеет свое происхождение вся демократия», Геббельс волит, что именно эти идеи демократии, возвещенные Французской революцией, «и являются содержанием веймарской конституции»⁴, от «разрушительных последствий» которой фашисты теперь «спасают» германский народ. Несколько ранее, 1 апреля 1933 г., глава ведомства пропаганды «третьей империи» выступал в Берлине с большой антисемитской речью, в которой сосредоточенный огонь своей ненависти направил против идейного влияния Французской революции, против ее культурного наследия, ибо «смысл этой революции лежит в духовном» и поэтому борьба против нее национал-социалистов «распространяется, естественно, не только на область политическую, но также и на мировоззренческую, культурную и хозяйственную области». Тут-то фашистский «доктор» и произнес свою сакрментальную фразу: «Так 1789 год вычеркивается из истории». Этой фразойober-пропагандист фашистского мракобесия как бы отвечает на слова другого немца — Гете, величайшего поэта и мыслителя Германии, сказанные 20 сентября 1792 г., в вечер победы войск революционной Франции при Вальми: «Здесь и сегодня начинается новая эра мировой истории». Два человека — две эпохи — две оценки.

¹ Hitler Adolf «Mein Kampf», S. 730.

² Ibidem, S. 766

³ Ibidem, S. 532

⁴ Goebbel J. «Revolution der Deutschen» Oldenburg i O S 170 1933

⁵ Ibidem, S. 155

Более широкую, развернутую на многих участках атаку против Французской революции ведет Альфред Розенберг. Сей фашистский воожак, начальствующий над мировоззрением «арийцев чистых кровей», вместе с тем является пионером «нордизированной истории». Вдохновляемый антифранцузскими откровениями своего «фюрера», он сделал исключительно оригинальный «вклад» и в историю Франции, в частности интерпретацией Французской революции. Дополненные и развитые различными второ- и третьеразрядными «штурмовиками духа», высказывания г-на Розенberга представляют собою поистине потрясающий бред. Автор «Мифа XX столетия» с неопровергимой для верующих «рыцарей» свастики убедительностью «доказал», что Франция — страна, искони принадлежавшая (разумеется, «по праву расы») германским племенам несмотря на наличие в ней «инорасовых» элементов: короли и высшая феодальная аристократия Франции были люди «германской крови», хотя некоторые из них и не отличались «расовым сознанием»¹.

Великой потерей «нордической крови» была, по Розенбергу, Варфоломеевская ночь, в результате которой произошло «решительное изменение характера французской нации»; она потеряла навсегда «истинно-германские» черты: «гордость, несгибаемость и благородство, которые воплощали собой первые вожди гугенотов»². В XVII и XVIII вв. были нанесены дальнейшие удары «нордическому духу» во Франции: французские философы ниспровергли, разрушили и высмеяли всякие догмы и открыли путь мысли, «лишенной благородства», «внутренно далекой от жизни», «абстрактной»³. Наконец, окончательный, губительный удар нанесла «германской расе» Французская революция, когда «черноволосая, якобинская чернь волокла на эшафот всякого, кто былстроен и светловолос»⁴. Обобщая процесс «расового падения» Франции со своей «расово-исторической» точки зрения, Розенберг пишет: «С гибелью гугенотов в государстве франков нордическая расовая сила была если не совсем сломлена, то все же сильно оттеснена. Классическая Франция проявляет только дух без благородства, испорченность характера; голодающий народ это инстинктивно понял и стал действовать совместно с кровожадными подонками человечества (*Untermenschen*), чтобы устранить последние головы. Отныне на передний план выступил альпийский человек со средиземноморской примесью (не «кельтский»)».⁵.

На фоне этой, порожденной расистским бешенством схемы истории Франции фашистский «теоретик» развивает построенную на таком же «основании» «философию истории» Французской революции.

Еще за несколько лет до прихода фашистов к власти, в 1929 г., в статье «О существе национал-социализма» Розенберг противопоставлял фашистскую «душевную революцию» Французской революции 1789 г.; последняя, по его словам, «была одной лишь огромной катастрофой без творческих мыслей»⁶. Повторяя эту мысль в «Мифе XX столетия», Розенберг утверждает, что «14-е июля 1789 г. стало обозначением бессилия характера», что и 1793 год был «внутренно бесплоден, ибо он не был

¹ Так например «так называемый» Карл Великий совершил ряд «преступлений против расы», из которых крупнейшее — обращение своих подданных в христианство, положившее начало «порче» германской расы. Впрочем, по новейшим сообщениям «профессора» Теодора Пугеля, одного из соавторов объемистого сочинения «Антисемитизм на словах и на деле», «первопричины» столь вредной деятельности Карла Великого теперь выяснены: оказывается, он был... евреем и по чертам лица и по своим обычаям!

² Rosenberg Alfred «Der Mythus des 20. Jahrhunderts», S. 99. München. 1930.

³ Ibidem, S. 100.

⁴ Ibidem.

⁵ Ibidem.

⁶ Rosenberg A «Vom Wesengefüge des Nationalsozialismus (1929). «Blut und Ehre», S. 158. 8 Aufl München. 1936.

поднят каким-либо большим характером», что вся Французская революция вообще воодушевляла не гениев, а лишь «взбесившихся мешан, тщеславных демагогов и тех гиен полей политических битв, которые грабят имущество павших»¹. Французскую революцию, величайшую из буржуазных революций, которую идеино подготовили замечательные по силе и остроте ума, по глубине и ясности мысли философы, которую возглавляли люди с сильными характерами и исключительно мощной творческой страстью, революцию, которая коренным образом перестроила решительно все области человеческой жизни, эту великую революцию самодовольно напыщенный пустостов гитлеризма имеет наглость обвинять в творческом бессилии!

Величайшее преступление Французской революции, по мнению Розенберга, состоит в том, что она свергла господство блондинов и открыла путь к владычеству брюнетам. Разумеется, проповедник «северной веры» при этом движим отнюдь не соображениями эстетики. «Блондинами», людьми «северной расы», «германскими людьми» он считает аристократию дореволюционной Франции, а к «брюнетам», людям «альпийской», «средиземноморской» и прочих «низших» рас он относит революционный французский народ. Если, говорит Розенберг, «Французская революция, возглавленная Колиньи (так называет автор «Мифа» движение гугенотов, это движение он удостаивает эпитета «нордическое» и признает в нем «германскую» сущность.—И. З.), была настоящей и полнокровной», то Французская революция конца XVIII в., которая была делом «черни» и «обнаружила свою сущность лишь при власти гильотины в 1793 г.», была «обнаженно кровожадной»². Г-н Розенберг сокрушается, что после революции 1789—1794 гг. аристократия Франции, потерпевшая значительный физический урон, утратила и свое «нордическое лицо»³.

Говоря о победе демократии во Франции, А. Розенберг, разумеется, не может отказаться от излюбленных приемов фашистской пропаганды — от «антикапиталистической» демагогии и антисемитизма. Говоря о последствиях Французской революции, Розенберг пишет в «Мифе XX столетия»: «Лавочник, адвокат, спекулянт становится господином общественной жизни. Начинается «демократия», т. е. не господство характера, а владычество денег, поэтому-то и выдвигается на передний план еврейский банкир, а затем еврейский журналист и марксист»⁴. Из Французской революции, кроме евреев, по словам г-на Розенберга, извлекли пользу еще женщины и негры. Возмущаясь всем своим существом «истинно-арийского мужа» такой «преступной» тройкой эмансипацией — эмансипацией евреев, эмансипацией женщин и эмансипацией негров, происшедшей во Франции под влиянием демократических идей равенства, фашистский «мифотворец» делает вывод, что эта страна «стоит ныне во главе загрязнения Европы черными и тем самым вряд ли может еще быть рассматриваема как европейское государство, скорее же — как отпрыск Африки, ведомый евреями»⁵.

Каков практический политический смысл всех этих антисемитских, антифеминистских и антиаболиционистских рассуждений, показывает следующее программное требование, сформулированное на их основе: «Изоляция европейского запада, закрытие границ на основе антропологических признаков, нордически-европейская коалиция с целью очистить родную европейскую страну от распространенных во Франции болезненных

¹ Rosenberg A. «Der Mythus des 20. Jahrhunderts», S. 100.

² Rosenberg A. «Der Mythus des 20. Jahrhunderts», S. 100 Rosenberg A. «Die nationalsozialistische Revolution steht am Anfang!» «Volkischer Beobachter» 17 Juni 1933, «Blut und Ehre» S. 183

³ Rosenberg A. «Der Mythus des 20. Jahrhunderts», S. 101.

⁴ Ib dem, S. 100

⁵ Ibidem, S. 606

ростков Африки и Сирии»¹. Короче говоря, «тотальная война» объединенных под гегемонией фашистской Германии реакционных сил Европы против демократической Франции — вот боевой клич, который первосященник «нордической веры», современный апологет германского империализма, бросает в качестве вывода из своих «исторических изысканий».

Идя по стопам «фюрера», автор «Мифа XX столетия» с особым остервенением ополчается против Французской революции главным образом потому, что она оказала влияние на остальные европейские страны, и больше всего потому, что она оказала демократическое влияние на Германию. Еще в 1923 г. в статье «Государственная мысль в духе народности» г-н Розенберг писал, что «1789 год лег как флюид над всем миром» с целью «сокрушить его»². В 1932 г. в докладе на тему о «кризисе и новом рождении Европы» он говорил о «негодности далеких от жизни словес революции 1789 г.», которая породила «материализование, атомизирование всего в XIX веке, как следствие чисто абстрактной попытки признать численное большинство всеобщим критерием... в государственной жизни и в области культуры»³. А год спустя, уже после прихода Гитлера к власти, в своей речи о «становлении немцев как нации», возвращаясь к ненавистному демократическому наследию Французской революции, Розенберг говорит о «преодолении» в Германии «большой болезни, которую принесли Европе идеи 1789 г.»⁴. Разумеется, нападки на Французскую революцию и рассуждения о влиянии ее на развитие демократических идей в Германии также не обошлись у г-на Розенберга без острой приправы «антикапиталистическо»-антисемитской демагогии. «Человеческий тип, который 150 лет тому назад во Франции начал выступать на поверхность в качестве господствующего,— писал он в «Мифе XX столетия»,— с 1918 г. и в Германии, снабженный деньгами Сирии, стоит во главе демократии»⁵.

Эта дикая «историческая» схема, преследующая вполне определенные политические цели, выдается в фашистской Германии за непреложную истину, всячески комментируется и развивается устно и в печати⁶. Перед историками «третьей империи» поставлена задача — сочинить новую «историю» Французской революции, исходя из рассмотренных выше общеполитических и «историко-философских» установок фашистских вожаков. Впрочем, разрешить эту задачу оказалось не так-то легко. Нетрудно было бы при наличии известной демагогической изобретательности и бредовой фантазии соорудить некоторую «историческую концепцию», но где взять для нее фактический материал, если она не только ни в какой связи с историческими фактами не находится, а, наоборот, противоречит хорошо изученным и достаточно широко известным фактам? Перед такой задачей германские фашистские лжеисторики несмотря на солидный опыт в фальсификации истории, очевидно, спасовали. По крайней мере, кроме перепевов розенберговских «историко-философских» рассу-

¹ Rosenberg A. «Der Mythus des 20. Jahrhunderts», S. 102.

² Rosenberg A. «Der Volkische Staatsgedanke (1923)». «Blut und Ehre», S. 118.

³ Rosenberg A. «Krisis und Neugeburt Europas (1932)». «Blut und Ehre», S. 297.

⁴ Rosenberg A. «Die Volkswerdung der Deutschen (1933)». «Blut und Ehre», S. 180.

⁵ Rosenberg A. «Der Mythus des 20. Jahrhunderts», S. 103.

⁶ [Botzenhart Erich] «Der machtpolitische Aufstieg des Judentums bis zur Revolution von 1848». «Volkischer Beobachter». 29 Januar 1939; Pier B. «Rassenbiologische Betrachtungsweise der Geschichte Frankreichs», Frankfurt a.M. 1935; «Das Rassenprinzip in der Französischen Revolution». «Volk im Werden», 1939. H. I, S. 46; Wagner Friedrich «Franz Hotman und das frankisch-germanische Staatsbewusstsein in Frankreich». «Volk im Werden». 1939. H. I, S. 8—16.

ждений¹, ничего похожего на фактический очерк истории Французской революции с национал-социалистской точки зрения в гитлеровской Германии до сих пор не опубликовано.

Не следует, однако, думать, что уцелевшие в Германии от фашистской расправы историки совершенно обходят тематику Французской революции. За годы фашистского режима в Германии вышло десятка два изданий, посвященных Французской революции, но в них или рассматриваются отдельные частные вопросы или же содержатся биографии отдельных исторических лиц: ни одна из них не дает обзора Французской революции в целом. К тому же в значительной части эти книги представляют собой типичные для дофашистского времени гелертерские исследования; дань новым господам Германии в них отдается либо несколькими общими фразами в предисловии или введении либо просто тем, что обходятся вопросы, имеющие актуально-политическое значение; так например Хуго Розброй в вышедшей недавно монографии о Марате как естествоиспытателе и революционере совершенно не касается взглядов этого великого буржуазного революционера по вопросу о диктатуре.

Не имея возможности да и особой надобности заниматься в настоящей статье разбором всей современной германской литературы по Французской революции, отметим только две группы изданий по двум наиболее интересным и показательным вопросам: это, во-первых, вышедшие почти одновременно (!) три книги о Робеспье: Шарлотты Земпелл², Фридриха Зибурга³ и Петер-Рихарда Родэна⁴ и, во-вторых, издания по вопросу о влиянии Французской революции в прирейнских землях — публикация документов Йозефа Ханзена⁵, книжки о Сааре⁶, об Эльзасе⁷ и др.

В книгах о Робеспье биография великого якобинца грубо фальсифицируется, причем авторы этих книг явно задаются целью внушать подданным «третьей империи» неверие, а по возможности, и презрение ко всякой прогрессивной мысли, больше же всего — к идеям демократии и революции, и заодно внушить презрение к людям мысли, к борцам за свободу и благо народных масс. Ничего нового или оригинального в этих книгах нет.

Что касается изданий второй группы, то в них извращается история возникшей под влиянием Французской революции освободительной борьбы против феодально-монархического строя в Западной Германии; революция же XVIII в. представляется как «враждебная Германии» сила, служившая и служащая интересам «наследственного врага» — Франции — в «извечной» борьбе последней против германского народа. Необходимо заметить, что собственно основная задача всех этих германских фашистских изданий — не только дискредитирование Французской революции, но главным образом борьба против провозглашенного этой буржуазной революцией принципа самоопределения народов на основе их свободного

¹ Mangold Ewald K. B. «Frankreich und der Rassengedanke». München. 1937; Borries Kurt «Die Bedeutung der Französischen Revolution für die Entstehung der modernen Welt». Tübingen. 1938.

² Sempeil Charlotte «Maximilian Robespierre als doktrinärer Revolutionär». Berlin. 1935.

³ Sieburg Friedrich «Robespierre». Frankfurt a. M. 1931.

⁴ Rohden Peter Richard «Robespierre». Berlin. 1935.

⁵ Hansen Joseph «Quellen zur Geschichte des Rheinlandes im Zeitalter der französischen Revolution. 1780—1801». 3 Bände. Bonn. 1931—1935. Эта публикация вопреки воле автора целиком рядом напечатанных ценных исторических документов опровергает фашистские установки, содержащиеся в вводных статьях.

⁶ Ecker Franz und Alfred «Der Widerstand der Saarländer gegen die Fremdherrschaft der Franzosen 1792—1815». Saarbrücken. 1934; Heep Karl «Die letzten Jahrzehnte französischer Herrschaft in Saarlouis 1793—1815». Saarbrücken. 1934.

⁷ Biessle Alois «Die Bedeutung der französischen Revolution für die Finanzierung des Elsass». Frankfurt a.M. 1933.

воллизъявления, принципа, впервые в полном объеме осуществленного на новой экономической основе только Великой Октябрьской социалистической революцией в СССР. В наши дни против этого принципа германский империализм выдвигает через фашистов всякие иные «принципы», как-то: «этнографический принцип», «принцип жизненного пространства» и т. п., чтобы прикрыть грубо-насильственный захват и грабеж чужих земель, уничтожение свободы и независимости народов.

Такова последняя задача, поставленная хозяевами нынешней Германии перед фашистской «исторической наукой». Недаром на XIX конгрессе германских историков фашист В. Шюслер выступил с докладом «Средняя Европа как идея и действительность»¹, в котором заявил, что осуществление «перестройки и умиротворения среднеевропейского пространства» якобы невозможно на основе того «национально-государственного мышления Французской революции», которое было перенято «восточными национальными демократиями», т. е., выражаясь общепонятным языком, на основе принципа свободного самоопределения народов, в общей форме провозглашенного Французской революцией XVIII в. и осуществленного на почве единой социалистической экономики лишь великим содружеством свободных народов — Союзом Советских Социалистических Республик.

Злобная ненависть, с какой фашисты относятся к Французской революции 1789—1794 гг., их гнусная клевета на эту революцию, на совершивший ее народ и на его демократических вождей, наглая и подлая фальсификация истории этой революции и ее освободительного влияния за рубежами Франции — все это вызвано тем, что буржуазная революция XVIII в. написала на своем знамени идеи демократии, идеи свободы и равенства, идеи братства народов.

«Мы не должны забывать,— пишет фашистский юрист Эрнст-Герман Бокхоф,— что Французская революция 1789 г., эта последняя (! — И. З.) великая мировая революция, в то же время является собственно началом того процесса большевизации, который с тех пор развивается с логической последовательностью через либерализм, парламентаризм, через конституциональную, парламентарную монархию к социальной демократии, к социалистическому классовому государству, вплоть до последней, конечной станции ужасного плана — бесклассовой интернациональной мировой республики»². Фашистский враг освободительной борьбы угнетенного человечества возмущен тем, что молодая социалистическая Страна Советов подхватила знамя прогресса, знамя гуманизма, тем, что «советы утверждают собой именно идеал прогресса и человечности», провозглашенный полтора столетия тому назад Французской революцией. «Большевистская мировая революция, — пишет господин Бокхоф, — таким образом лишь заключает цикл революций, которые начали свой ход 1789 годом и с тех пор держат Европу и весь мир в состоянии напряжения. С 1789 г. мир живет под беспрерывными потрясениями этой великой, ныне, 150 лет спустя, еще не законченной революции»³.

Да, дело, начатое революционным французским народом в конце XVIII в., не умерло. Его воплощением в наши дни в капиталистическом мире является массовое демократическое движение антифашистского народного фронта.

Опыт Французской революции был использован великими учителями коммунизма при разработке ими идеологии нового восходящего класса, пролетариата, и с тех пор Французская революция живет в сознании пролетариата, в его освободительной борьбе.

¹ Schüssler W. «Mitteleuropa als Idee und Wirklichkeit». Цит. по статье Botzenhart'a в «Historische Zeitschrift». 1937. Bd. 156. N. 3, S. 666.

² Bockhoff E. H. «Ist die Sowjet-Union ein Völkerrechtssubjekt?» «National-sozialistische Monatshefte». 1936 N. 73, S. 336.

³ Ibidem.

Новый революционный класс — пролетариат — ставит перед собой иные, более высокие цели, чем те цели, за которые боролись революционеры 1789—1794 гг. Осуществив социалистическую революцию, начатую в России в октябре 1917 г., пролетариат на одной шестой части земного шара строит новое, коммунистическое общество, несущее человечеству мир, свободу и счастье. «Октябрьская революция не является ни продолжением, ни завершением Великой французской революции. Целью французской революции была ликвидация феодализма для утверждения капитализма. Целью же Октябрьской революции является ликвидация капитализма для утверждения социализма»¹.

Французская буржуазная революция XVIII века, писал Ленин, «недаром называется Великой. Для своего класса, для которого она работала, для буржуазии, она сделала так много, что весь XIX век, тот век, который дал цивилизацию и культуру всему человечеству, прошел под знаком Французской революции. Он во всех концах мира только то и делал, что проводил, осуществлял по частям, доделывал то, что создали великие французские революционеры буржуазии, интересам которой они служили, хотя они этого и не сознавали, прикрываясь словами о свободе, равенстве и братстве»².

Теперь, в XX столетии, когда на арене мировой истории человечества побеждает великий рабочий класс, борющийся за идеалы, о которых мечтали лучшие умы человечества, за уничтожение всякого гнета и эксплуатации, за осуществление подлинной свободы, равенства и братства коммунистического общества, теперь, когда гниющему в корне капиталистическому миру противостоит новый мир — СССР, — самые мракобесные силы капиталистического общества пытаются облить грязью великих революционеров XVIII в., извратить их замечательные идеи и фальсифицировать историю Великой Французской революции. Однако усилия фашистских фальсификаторов обречены на неудачу самой историей; им не удается отбросить человечество к самым мрачным временам средневековья и обскурантизма. История говорит нам о неизменном поступательном прогрессивном развитии человеческого общества.

Темные силы фашистской реакции будут неизбежно сметены могучим движением человечества вперед, к коммунизму. И ни грязные слова фашистских врагов человечества, ни их кровавые дела не смогут помешать неизбежной, решительной победе великих революционных идей коммунизма, окончательному и безраздельному торжеству действительной свободы, прогресса и человечности на всей нашей планете.

¹ И. Стalin. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, стр. 16. Парт. издат. 1938.

² Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 304.